

Ю. А. Тихомирова

Томский государственный университет

**Русская классическая поэзия в англоязычных антологиях:
стратегии репрезентации**

Аннотация. Характеризуются этапы реконструкции русской классической поэзии в англоязычных антологиях, рассматриваются общие принципы организации антологий, изданных с начала XIX в. по настоящее время. Кратко представлена история этих изданий. Через анализ наиболее ярких и значимых моментов в отборе материала для антологий, высказываний переводчиков, составителей и авторов вступительных статей выстраивается логика развития восприятия русской классической поэзии. В работе показано движение от отношения к ней как к интересной, местами даже высокохудожественной, но, безусловно, чужой, чуждой западному миру формы словесности в начале XIX в. до желания «одомашнить» русскую поэзию в ее лучших образцах, «присвоить» ее лучшие достижения, в связи с чем на рубеже XX–XXI вв. возникает новый тип антологии.

The paper characterizes the stages of reconstructing Russian classical poetry in English language anthologies. It describes general principles of organizing the anthologies published from the beginning of the 19th century up to the recent times. The paper presents a brief history of these anthologies. The work includes an analysis of the most remarkable and significant points in the choice of material for the anthologies, statements made by translators, compilers, and authors of forewords; thus tracing the sequence of stages in which the Russian classical poetry was perceived within the English-speaking world. The work shows its progression from the attitude to the Russian poetry as an interesting and sometimes even highly artistic but clearly alien phenomenon at the beginning of the 19th century towards the desire to «domesticate» the Russian poetry, to «appropriate» its best achievements to such an extent that a completely new type of anthology is emerging at the turn of the new century.

Ключевые слова: поэтический перевод, переводческие стратегии, стратегии адаптации поэтического текста, русская поэзия в переводах, англоязычная антология.

Poetic translation, translation strategies, strategies of poetic text adaptation, Russian poetry in translations, English language anthology.

УДК 821.161.1.09: 821.111

Контактная информация: пр. Ленина, 36, Томск, 634050; +7 (3822) 53 47 71; yat77@mail.ru

Интерес англоязычного мира к русской классической поэзии, безусловно, очень велик, и не только в научных кругах. Уважение к культуре, к которой при-

надлежат Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, стремление узнать больше об истоках гениальных достижений русской словесности побуждает англоязычного читателя обращаться к русской поэзии первой половины XIX в. А творчество А. С. Пушкина, само по себе составившее целую эпоху в русской поэзии, привлекает англоязычных читателей, переводчиков, исследователей не только своим статусом мирового достояния словесности, но и принципиальной, многократно отмеченной «загадочной» невозможностью полноценного воспроизведения на других языках, что объясняется свойствами поэтики уникального пушкинского стихотворного текста. Отсюда и огромное количество переводов, и постоянное внимание исследователей, и многочисленные антологии и проекты по изданию Пушкина на английском.

Цель данной статьи – дать общее представление об этапах реконструкции русской классической поэзии в англоязычных антологиях; кратко охарактеризовать наиболее яркие и значимые моменты в отборе материала для антологий, а также подвести базу под идентификацию жанров поэтического перевода, представленных в этих изданиях, на основании выборочного сопоставительного анализа русских оригиналов с английскими трансляциями.

В ходе работы в библиотеке Университета Индианы (США), русская коллекция которой считается второй по величине в Соединенных Штатах и одной из лучших в англоязычном мире, был проанализирован материал двадцати изданий русской поэзии на английском языке, вышедших в Западной Европе и США.

Русская классическая поэзия представлена в упомянутой коллекции несколькими видами изданий. Первый тип – издания на русском языке русскоязычных издательств, очевидно предназначенные для русскоговорящих читателей и специалистов.

Вторая группа изданий, не очень многочисленная, – разделы в учебных пособиях, где русская поэзия представлена отдельными стихотворениями в подстрочных или прозаических переводах. Таково, например, «Кембриджское введение в русскую поэзию» Майкла Вочтэла, который сам определил издание как «гид к чтению русской поэзии» [Watchel, 2004, p. 9]. Важное, но созданное в учебных целях, с комментариями относительно принципов русского стихосложения – ритмики, метрики, строфики, а также тематики, жанров и т. д., это издание, как и другие издания такого типа, представляет научный, но не художественный интерес.

Третий, более релевантный для данного исследования вид издания, – антологии русской поэзии на английском языке, предназначенные для широкого круга читателей, призванные дать целостную и, насколько это возможно, объективную картину русской поэзии в лучших ее образцах. Отдельные русские поэты также удостоились переводных изданий типа «Избранное» («Selected works»), которые тоже являются источником материала для данного исследования.

Сам М. Вочтел, известный специалист по русской поэзии, в предисловии к «Кембриджскому введению в русскую поэзию» отметил: «The achievements of Dostoevsky and Tolstoy notwithstanding, Russian literature is a tradition of poetry, not prose, and Russian readers have always recognized it as such. *This poetry has been poorly served in translation and remains one of the great rewards for foreigners willing to invest the effort in learning the language*» [Ibid.] («Несмотря на достижения Достоевского и Толстого, русская литература – это традиция поэзии, а не прозы, и русские читатели всегда это признавали. Эта поэзия была и до сих пор остается плохо переведенной. Она станет самой большой наградой иностранцу, желающему приложить усилия для того, чтобы выучить язык») ¹.

¹ Здесь и далее курсив и перевод мои. – Ю. Т.

Это высказывание великолепного знатока русской поэзии принимается за гипотезу, отправную точку исследования переводов русской классической поэзии на английский язык.

Интерес англоязычного мира к русской классической поэзии имеет долгую и богатую историю, которая началась в первой трети XIX в. с издания «Russian Anthology. Specimen of Russian poets with preliminary remarks and biographical notes» [1821]. Среди поэтов, удостоившихся места в «Русской антологии» Бауринга, – Ломоносов, Державин, а также здравствовавшие на тот момент Карамзин, Батюшков, Жуковский, Дмитриев, Крылов. Публикация переводов Джона Бауринга из русской поэзии продолжилась в 1823 г. во второй части издания, включившей также и переводы русских народных песен [Russian Anthology, 1823].

Интересен тот факт, что в этой ранней антологии представлены *поэтические* переводы, выполненные различными метрами, в основном передающие особенности ритмики, строфики и рифмовки. Это обстоятельство позволило англоязычным читателям и критикам составить первое представление о русской поэзии и высказывать на их основе суждения о ней, ее содержании и даже форме.

Например, в «Лондонском журнале» за 1821 г. [London Magazine, 1821] опубликована статья неизвестного критика, который, поставив себе целью «искать красоты» («to seek for beauties, not to seek for faults») в образцах русской поэзии в переводах Бауринга, дает пространные комментарии к русским стихотворениям, отдавая должное некоторым русским поэтам: «...we discover an active and excursive imagination, and a very vivid and exquisite fancy» («...мы обнаруживаем активную и бурную творческую фантазию и очень живой и утонченный вкус» – сказано о Державине в результате прочтения его «Водопада»). И там же: «The last stanza is extremely graceful and elegant» («Последняя строфа очень грациозна и элегантна»). При этом возникает закономерный вопрос, отдавал ли автор статьи себе отчет в том, что он комментирует перевод стихотворения, а не оригинал.

Вскоре, в 1824 г., в «Эклектик Ревью» автор критической статьи о второй части антологии русской поэзии Бауринга уже не только высказывается о русской поэзии и народных песнях, но и пространно комментирует качество переводов: «...we have marked for selection two or three poems by Batiushkov. “The Farewell” is very prettily translated, and its Author must share the honour with Mr. Bowring» [Eclectic Review, 1824, p. 67] («...Мы отметили два или три стихотворения Батюшкова. “Прощание” переведено прелестно, и его автор должен разделить почести с мистером Баурингом»).

Отправной точкой в исследовании жанров ранних переводов является тот безусловный факт, что эти трансляции изначально были призваны представить англоязычному читателю русскую поэзию как продукт чужой, даже чуждой словесности, которая складывалась на пересечении «дикости восточного характера» со «строгостью и рассудительностью европейской точности» [Ibid., p. 59]. Эту иноментальность как основную характеристику подчеркивает и введение к изданиям, написанное переводчиком, и отзывы в журнальных статьях, которые в данном случае являются для нас практически единственным свидетельством раннего восприятия русской поэзии англоязычной словесностью. Переводчик Бауринг «извиняется за то, что осмелился представить стихотворение, настроение и дух которого так мало соответствуют его собственным чувствам, но было бы совершенно неправильно исключить это, возможно, самое знаменитое поэтическое творение современности, из сборника образцов русской поэзии» [Ibid., p. 69] (сказано о «Певце во стане русских воинов» Жуковского).

Критик-комментатор также ссылается на то, что «английский слух испытывает, видимо, дискомфорт, так как не улавливает звучности рифмы» [Ibid., p. 62]. Иногда он открыто смеется над содержанием некоторых русских стихотворений, помещенных в «Русской антологии»; так, в комментарии к «Песне о Добром Ца-

ре» Карамзина сказано: «Is the worthy bard pensioned? He deserves it, if he is among the living» [Eclectic Review, 1824, p. 67] («Получает ли достойнейший певец пенсию? Он этого заслуживает, если он еще жив»).

Таким образом, первоначальное знакомство англичан с русской классической поэзией через переводные антологии состоялось, но это была демонстрация безусловно чужеродной культуры нации, которая только «вырывается в цивилизацию» («nation bursting into civilization») [Ibid., p. 61]. При этом нескрываемое удивление у англоязычного читателя вызывает то, что некоторые представленные в антологиях образцы оказываются довольно поэтичными. Впрочем, этот факт зачастую объясняется полностью заимствованным характером русской поэзии, которая своими лучшими качествами обязана европейской, в первую очередь немецкой, поэтической школе.

Невысокий интерес к русской поэзии во второй половине XIX в. связан, видимо, с переключением внимания англоязычной словесности на великую русскую прозу, которой русская культура прославилась поистине на весь читающий мир. Но интерес к Достоевскому и Толстому, двум любимым западным миром авторам, оказал услугу и русской классической поэзии. Интерес к культуре, породившей этих гениев, вызвал всплеск исследовательской, переводческой и издательской активности на рубеже XIX–XX вв. Одной из самых заметных во второй половине XIX в. является антология Уилсона [Wilson, 1887]. В ней русская поэзия представлена не только известнейшими, но и поэтами «второго ряда», с которыми, конечно, англоязычный читатель в большинстве своем вообще не был знаком. Основной переводческой и редакторской стратегией было представить англоязычному читателю общую картину русской поэзии, без подробной характеристики каждого из представляемых поэтов. В связи с этим многие основополагающие свойства текстов в переводах утеряны, переводчик не слишком обременен необходимостью соблюдать эквилинеарность и эквиритмичность; стратегии выбора произведений для перевода подчинены, вероятно, необходимости соответствовать читательским ожиданиям. Тем не менее эта антология является важным этапом в расширении представлений англоязычного читателя о русской поэзии.

В начале XX в. в свет выходит одна из наиболее известных в англоязычном мире антологий русской литературы – «Антология русской литературы с древних времен до настоящего времени» [Wiener, 1903]. Среди главных особенностей антологии – обращение ее автора к российскому литературоведению в поиске критериев отбора текстов. В состав переводов вошли тексты обширного периода русской литературы, от летописи Нестора до произведений Чехова, Горького и других современных издателю авторов. В предисловии Л. Винер приводит факты из истории переводов русской литературы на английский и ее распространения в англоязычном мире. Библиографические данные, содержащиеся в работе, в том числе о журнальных публикациях, сохраняют ценность до сих пор.

Несколькими годами позднее опубликована книга «Поэзия и прогресс в России» [Newmarch, 1907]. Исключительное положение этой антологии определяется личностью и талантом переводчицы. Авторские переводы из русской классической поэзии Розы Ньюмарч, музыковеда и переводчика, а также переводы других авторов, тщательно подобранные ею для этого издания, отличаются от всех других именно благодаря своей связи с музыкальным искусством. Чувство ритма, великолепная оркестровка, применение принципов вокального перевода – то, что отличает эти переводческие работы от всего, что было известно англоязычному читателю ранее. Не удивительно, что ее стратегии перевода оказались очень продуктивными именно в отношении известной своей мелодичностью русской поэзии, в которой сама поэтическая форма является в наивысшей степени содержательной.

Многочисленные антологии, которые стали появляться в начале XX в., журнальные публикации переводов из русской поэзии, особенно Пушкина, Батюшкова, Тютчева, безусловно, привлекали внимание читающей публики, о чем свидетельствуют критические обзоры этих изданий на страницах различных иностранных журналов. Важную роль в поддержании интереса к русской словесности, как и ко всему русскому, сыграли кардинальные изменения в стране, принесенные Октябрьской революцией.

С этого времени заботу о знакомстве англоязычного читателя с русской поэтической культурой взяли на себя российские эмигранты. Аврам Яромлинский, выступавший как переводчик и редактор, в сотрудничестве со своей женой Бабетт Дейч издал несколько антологий – в 1921, 1923, 1927 гг. [Russian Poetry, 1921; 1923; 1927], каждый раз дополняя издания новыми переводами. Известную роль в привлечении внимания к русской классической поэзии сыграл В. Набоков через перевод пушкинского «Евгения Онегина» и других произведений. Д. Мирский организовал издание антологии русской поэзии в переводах Коксвелла [Coxwell, 1929]. Позднее к изданию русской поэзии на английском языке подключился Иосиф Бродский, работавший в сотрудничестве с переводчиком Аланом Майерсом [An Age Ago, 1988].

Одним из самых авторитетных переводчиков и издателей русской классической поэзии стал в первой половине XX в. Сесил Морис Баура («A Book of Russian Verse», 1943 г. [Bowra, 1943] и «The Second Book of Russian verse», 1948 г. [Bowra, 1948]). Эти антологии, пожалуй, наиболее представительны после изданий Яромлинского и наиболее интересны для данного исследования: антологии Яромлинского – это все же взгляд на русскую поэзию изнутри русской словесности. Баура же, очевидно, имел меньшую возможность для соприкосновения с русским взглядом на русскую поэзию, учитывая время выхода его изданий, хотя у него были многочисленные контакты в СССР. Поэтому его переводческий и редакторский выбор является репрезентативным именно как взгляд на русскую поэзию со стороны – взгляд одной словесной культуры на другую сквозь призму антологии. Ведь антология – особый вид издания, в котором необходимо в минимальное количество страниц, отведенных одному поэту, вложить максимум информации об идейно-эстетическом и жанрово-стилистическом своеобразии его творчества.

Не только выбором текстов для перевода интересны издания Бауры. Крайне примечательно и введение, предпосланное этому изданию. «It is often said that Russia is half-way house between Europe and Asia and that much which western Europeans find mysterious in the Russian character is due to its Asiatic affinities... Yet in Russian poetry these alleged Asiatic elements are almost entirely lacking... Russian poetry has never yielded to oriental influences. Its versification, its forms, its themes, its whole manner are essentially European. It falls into the scheme of European poetry and may, in its different stages, be compared with what was written at the same time in France or England or Germany» [Bowra, 1943, p. 13] («Часто говорят, что Россия – это перевалочная база между Европой и Азией и что многое из того, что Западная Европа считает мистическим в характере русских, обусловлено именно азиатским родством... Тем не менее в русской поэзии эти названные азиатские элементы совершенно отсутствуют. Русская поэзия никогда не поддавалась восточному влиянию. Система стихосложения, поэтическая форма, темы, вся манера письма – всё европейское. Русская поэзия подчиняется европейской схеме и может на разных этапах своего существования сравниться с поэзией Франции, Англии или Германии на соответствующих этапах развития»). Далее Баура рассуждает о том, что все-таки отличает русскую поэзию от европейской, называя главным отличием любовь к народной песне, пронесенной русскими сквозь века до современности. Легко уловить перемену тона вступительной статьи по сравнению с ранней

переводческой и критической рецепцией, – в словах Бауры звучит уважение и признание мастерства русских поэтов.

К подготовке своих антологий Баура привлекает многих известных переводчиков и поэтов. С ним сотрудничают Оливер Элтон, Эдвард Арнольд, Френсис Конкорд и др.

Интересным представляется тот факт, что во многих антологиях русской поэзии – как ранних, так и современных – можно встретить транслированные на английский произведения, которые сами являются переводами с английского. Таковым является, например, обратный перевод стихотворения «Вечерний звон» И. И. Козлова на английский [The Warner Library, p. 12780]. Также в сборнике «An Age Ago. A Selection of Nineteenth-Century Russian poetry» под заголовком «There is enjoyment in a wilderness of trees» [An Age Ago, 1988, p. 17] среди стихотворений К. Батюшкова помещен перевод его «Элегии» (1819), которая является отрывком из 4-й песни байроновской поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда». И это не все примеры обратного перевода в исследуемых антологиях.

Такое возвращение текста в англоязычную традицию заслуживает отдельного исследования: представляет интерес рассмотрение национальных ментальных конструкторов, лежащих в основе этого возвращения. Несколько раз в процессе прямого и обратного перевода они подвергаются перекодированию и адаптации в принимающей словесности. Исследование выявило случаи, когда, трансформируясь несколько раз в процессе перевода, такие трансляции в конце концов стали ярким примером просветительского перевода – одного из жанров перевода, характеризующегося концентрацией в пределах одного конкретного текста-трансляции нескольких черт авторского идейно-эстетического и жанрово-стилистического комплекса, которые в реальном переводимом тексте либо не присутствуют вообще, либо присутствуют не в той концентрации, в которой автор перевода их преподносит читателю. Так произошло, например, в случае с переводом стихотворения «Вечерний звон» И. Козлова обратно на английский язык. Перевод, выполненный Натаном Хэскеллом Доулом для издания «Шедевры мировой литературы» под руководством Чарльза Дадли [The Warner Library, p. 12780], чертами поэтики демонстрирует стремление автора перевода вложить в переводное стихотворение больше идейно-эстетической информации, чем в самом оригинале, сделать это стихотворение репрезентантом всей поэзии И. И. Козлова.

Важно, что во многих изданиях антологий русские поэты показаны в соответствии с теми стереотипными представлениями, которые сложились о них. С этой точки зрения зачастую происходит и отбор стихотворений, которые своими идейно-эстетическими параметрами наиболее легко вписываются в заданную «схему». Например, в практике публикации творчества И. И. Козлова на английском языке большое значение имеет столь необходимый в рамках антологии жанр – вступление, кратко характеризующее творчество представляемого поэта. Вступления, характеризующие его творчество, обычно начинаются с общеизвестного утверждения, источником которого было слово В. А. Жуковского во введении к первому посмертному изданию полного собрания стихотворений И. И. Козлова 1840 г. [Козлов, 1940]: «I. I. Kozlov was one of those men, who became a poet through misfortune» («И. И. Козлов был одним из тех, кто стал поэтом вследствие несчастья») [Wilson, 1887, p. 26]. Этим же обосновывается «глубоко религиозный и элегический тон» («deeply religious and elegiac tone») [Ibid.], – характеристика, неизменно сопровождающая творчество Козлова в англоязычной рецепции.

Выбор произведений в исследованных антологиях вполне соответствует характеристикам, данным во вступительных статьях, но для тех, кто знаком с творчеством Козлова, выглядит недостаточно репрезентативным, поскольку многие существенные грани поэтического мира оказываются отброшены. Это особенно касается поэтов «второго ряда», стихотворения которых транслируются лишь

с целью продемонстрировать разнообразие русской поэзии, но не для всестороннего представления их творческой индивидуальности.

Сказанное, конечно, не относится к творчеству А. С. Пушкина, о репрезентации лирики которого следует сказать отдельно. На протяжении многих десятилетий Пушкин с кажущейся простотой его поэтического языка считался непередаваемым, несмотря на огромное количество попыток многочисленных переводчиков воспроизвести на английском языке красоту пушкинских текстов. Например, насчитывается около 20 переводов стихотворения «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»). И после каждой новой попытки англоязычному читателю в очередной раз приходилось принимать на веру, что это небольшое стихотворение – шедевр русской поэзии. По выражению Лорена Лейтона, «“Настоящий” Пушкин уже много лет как бы “играет в прятки” с зарубежными читателями, и эта проблема еще ожидает своего решения» [Лейтон, 1999, с. 135].

Полного собрания сочинений Пушкина на английском языке не существует, но Пушкин является безусловным лидером по количеству сборников «Избранное» («Selected works», «Selected lyrics», «Selected poetry»); наиболее известные переводчики – Уолтер Арндт, Джеймс Фаллен, Оливер Элтон.

Отдельно хочется упомянуть двуязычное издание 2009 г. под названием «Мой талисман» [Lowenfeld, 2010], в котором собраны переводы американца Джулиана Генри Лоуэнфельда, юриста по образованию, который, как считается в англоязычной исследовательской среде, дал не знающему язык читателю надежду прочитав наконец Пушкина практически таким, каким его читают и любят русские. Музыкальность переводов Дж. Лоуэнфельда действительно превосходит все известные до настоящего времени трансляции и в большой мере приближается к музыкальности пушкинских стихов, хотя сочетание филологического и сопоставительного анализа выявило и некоторые погрешности против пушкинской формы. Например, отметим применение переноса (enjambement) в переводе строфы, в которой ритмико-интонационная симметричность стихов очевидна, принципиальна и противопоставлена интонационно-синтаксической организации других строф стихотворения, где завершенность пушкинской мысли подчеркивается и усиливается заключенностью ее в строке. Тем не менее переводы Дж. Лоуэнфельда – несомненная удача для англоязычного читателя, желающего получить ответ на вопрос, почему А. С. Пушкин считается гениальным русским поэтом.

Самый же интересный и показательный с точки зрения современного восприятия проект по изданию Пушкина на английском языке был реализован в 1999 г., когда в свет вышла книга под названием «After Pushkin. Versions of the poems of Alexander Sergeevich Pushkin by contemporary poets» [1999] («Вслед за Пушкиным. Версии стихотворений А. С. Пушкина, написанные современными поэтами»). В предисловии к изданию Марита Клаули пишет: «The idea of the book came from the question. How do you convince the English-speaking public that Pushkin's genius is as great as Russians claim? In a perfect world, poets should be translated by poets... So I thought: what about asking a number of our best living poets “translate” some Pushkin poems, or rather make poems out of Pushkin translations?.. In this book, for the first time, we have Pushkin's extraordinary poetry rendered by some of our best poets» [Ibid., p. 9] («Идея книги возникла из вопроса: как убедить англоговорящего читателя, что Пушкин гениален так, как считают русские? В идеале поэтов должны переводить поэты. И вот я подумала: что если попросить живущих ныне поэтов “перевести” Пушкина или, скорее, создать стихотворения из переводов пушкинских стихов?.. В этой книге впервые уникальная пушкинская поэзия передана нашими лучшими поэтами»).

Представляется, что вектор развития поэтического перевода в русской и англоязычной словесной культуре оказался противоположен. Русская поэзия развивалась от заимствования, присвоения великими поэтами-романтиками иноязычно-

го материала в своих художественных целях – до ориентации на максимальную передачу особенностей творчества иноязычного автора. Англоязычный же мир начинает с демонстрации образцов русской поэзии как чужой, чуждой словесности, а на рубеже XX – XXI вв. возникает и находит свое воплощение идея адаптации современными поэтами пушкинских стихотворений таким образом, чтобы англоязычный читатель оценил не холодную красоту чужого, а признал их «своими», проникся к ним чувством. «...My editorial problem was to see that, even as I urged poets to write poems as if they were writing their own, Pushkin was not altogether lost in the process» [After Pushkin, 1999, p. 12], – пишет во введении Элейн Файнштейн, редактор издания. («...Моей редакторской задачей было присматривать, чтобы Пушкин не был совсем потерян в процессе <работы над переводами>, хотя я все время призывала поэтов писать так, как будто это были их собственные стихи»).

Это событие – издание Пушкина в переводах англоязычных поэтов – можно назвать одним из уникальных явлений современной словесности в аспекте перевода и восприятия иноязычной культуры. Переводческая стратегия этого сборника предполагает такой необычный подход именно к привычному переводческому материалу: набор произведений для перевода традиционен для большинства антологий и сборников переводов из Пушкина. Необычность подхода подчеркивается и на уровне визуального восприятия. На обложке издания, как и следовало ожидать, портрет А. С. Пушкина, но не привычный для русского читателя: человек средних лет, пронзительным взглядом смотрящий прямо в глаза современному читателю.

В рамках жанра статьи невозможно воссоздать полную историю русской классической поэзии в английских публикациях и перечислить все особенности этих изданий. Ближайшая перспектива исследования очевидна: изучение переводов с точки зрения применения разнообразных исторически, художественно и прагматически обусловленных переводческих стратегий.

На богатейшем материале англоязычных антологий можно не только поставить исследовательские проблемы художественного перевода, требующие совместных усилий литературоведов, переводоведов и компаративистов, но и решить задачу описания вокального перевода, с привлечением компаративного и музыковедческого анализа, поскольку речь идет о русской классической лирике, огромная часть которой была положена на музыку.

Список литературы

- Козлов И. И.* Собрание стихотворений Ив. Козлова: В 2 ч. 2-е изд. СПб., 1840. Ч. 1. 315 с.
- Лейтон Л. Г.* Пушкин в англоязычном мире // Вестн. РАН. 1999. Т. 69, № 2. С. 135–139.
- After Pushkin. Versions of the poems of Alexander Sergeevich Pushkin by contemporary poets / Ed. and introduced by E. Feinstein. Carcanet Press: Folio Society, 1999. 96 p.
- An Age Ago. A Selection of Nineteenth-Century Russian poetry. Selected and tr. by Alan Myers, with a foreword and biographical notes by Joseph Brodsky. N. Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1988. 170 p.
- Bowra M. C.* A Book of Russian Verse. L.: Macmillan & Co., LTD, 1943.
- Bowra M. C.* The Second Book of Russian verse. L.: Macmillan & Co., LTD, 1948.
- Coxwell C. F.* Russian Poems. Intr. by D. Mirsky. L., 1929. 306 p.
- Eclectic Review. 1824. No. 21. P. 59–70.
- London Magazine. 1821. No. 3 (15). P. 316–321.

- Lowenfeld J. H.* My Talisman: The Poetry & Life of Alexander Pushkin (English and Russian Edition). N. Y.: Green Lamp Press, 2010. 734 p.
- Newmarch R.* Poetry and Progress in Russia. L., 1907. 116 p.
- Russian Anthology. Specimen of Russian poets; with preliminary remarks and biographical notes. Translated by John Bowring. L.: FLS. Hunter, 1821.
- Russian Anthology. Specimen of Russian poets; with preliminary remarks and biographical notes. Part the Second. By J. Bowring. L.: FLS. Hunter, 1823. 274 p.
- Russian Poetry. An Anthology. Chosen and translated by B. Deutsch, A. Yarmolilnsky. N. Y., 1921, 1923, 1927.
- The Warner Library. The World's Best Literature: in 30 vols. N. Y.: Trubner & Co, 1895–1905.
- Watchel M.* Cambridge Introduction to Russian Poetry. Cambridge Univ. Press, 2004.
- Wiener L.* Anthology of Russian Literature from the Earliest Period to the Present Time: in 2 parts. N. Y.; L., 1903. Part 2. The Nineteenth Century. 504 p.
- Wilson C. T.* Russian Lyrics in English verse. L.: Trubner, 1887. 244 p.